

Народность...

СЛОВО О ПУШКИНЕ

Велению Божию, о муза, будь послушна...

Александр Пушкин

Мудро и скорбно, с жалостливым вздохом поразмыслил Пушкин о российских западниках:

*Ты просвещением свой разум осветил,
Ты правды лик увидел,
И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

Речено полтора века назад, но, увы, живы чужебесы и поныне... Взращённые на русское горе, доморощенные западники, держащие нос по ветру и ящерно меняющие окрас... французский, германский, американский... столь вокруг Пуш-

кина ила взбаламутили, лоя в мутной воде «золотую рыбку», что в сорном омуте уже так трудно разглядеть живой и ясный образ русского поэта. Очевидно, поэт, особо в раннем творчестве, некий повод и давал для разброда мнений, переболев, как ветрянкой, барскими хворями, — байроновский романтизм, как бунтарский демонизм, ленивое эпикурейство или амархайямовщина, как миролюбивый, сладкозвучный, хмельной демонизм, и, что греха таить, и масонское «вольтеррианство», породившее «бесов» декабризма, измысливших погибель русскому православно-самодержавному Отечеству. Но величие поэта, Богом данного Руси, не в байронизме и эпикурействе, и тем более, не в бунтарстве, разрушающем крепи русского духа, — **величие поэта в русской народности его творчества.**

О Пушкине истинно, ибо народно, сказал Фёдор Достоевский в судьбоносной для русского искусства, державной речи на открытии памятника Пушкину в Москве. О великом русском поэте написана уйма сочинений, благочестивых и порочных, но пушкиниана меркнет перед речью Достоевского о Пушкине, поскольку Федор Михайлович сопоставил пушкинскую поэзию с творческим миром русского простолюдыя, суть крестьянства. «... Величие Пушкина, как руководящего гения, состояло именно в том, что он так скоро, и окружённый почти совсем не понимавшими его людьми, нашёл твёрдую дорогу, нашёл великий и вожделенный исход для нас, русских, и указал на него. Этот исход был — народность, перед правдой народа русского. (...) Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда на русского человека...» (Достоевский Ф.М., «Дневник писателя» ПСС в 30-ти томах, т.26. с. 116.)

Вот отброшенный доморощенными западниками великий и спасительный, духовно-нравственный и художественный критерий искусства, — **народность**, не только воплощенный в произведениях Пушкина, Гоголя, Достоевского, Лескова, Толстого, Шмелева, но и запечатлённый в их критических статьях. Трагедия нынешнего российского искусства даже не в том, что книжные прилавки, экраны, сцены захлестнул мусорный поток поганой «маскультуры»; нет, трагедия в том, что властители «искусства» замутили нравственные и художественные критерии искусства, которые были незыблемы многие века.

* * *

Некий российский мыслитель... кажется, писатель Валентин Распутин... изрёк: мол, если бы в няньках у Пушкина жила не крестьянка Арина Родионовна, а бесноватая певичка П., то из Пушкина вырос бы Дантес. Под образом Арины Родионовны разумелся лик русского народа, который по тем временам на все девяносто пять процентов был крестьянским. Мало того, Фёдор Достоевский считал, что и Татьяна Ларина из поэмы «Евгений Онегин», хоть и почитывала игривые и слезливые французские романы, духом своим, тем не менее, — вся из Арины Родионовны, из русского народно-православного домостроя — «*Но я другому отдана и буду век ему верна*». Достоевский даже поскорбел, что поэт не озаглавил поэму «Татьяна Ларина»...

Возможно, из Пушкина вышел бы великолепный *дворянский* стихотворец «золотого века», не превосходящий собратьев по гусиному перу, но Пушкин вознесся над собратьями, воплотился в *русского народного поэта*, ибо, возлюбив, вобрал в

душу и разум таинственный крестьянский мир, выраженный в слове, причудливо земном, величаво небесном.

Сквозь блудливый романтический туман салонной поэзии — по-британски студёной, по-французски панталонно-розовой, по-германски грузной и обильной, сквозь книжно-библейский лиризм славянофильской поэзии, писатель Фёдор Достоевский высматривал в российской будущности эпоху крестьянской книжной поэзии и великого поэта от сохи и бороны. Слушая деревенскую песню, Фёдор Михайлович — в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу в ее небесных взлетах и сумрачных падениях, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, — вдруг удивлённо, озаренно промолвил: «Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...» А, может, и выше Пушкина, если припомнить, что и «Сени...» — песня не самая великая в русской народной поэзии, коя необозрима, непостижима, будучи подобна Природе — Творению Божию с ее земными и небесными стихиями.

У Пушкина, гения всех времён и народов, руки опускались перед народным словом, воплощённым в былинах, песнях, сказках, пословицах и поговорках, из чего следует, что народное поэтическое слово, в гениальности превосходя не только Пушкина, но и всю классическую прозу и поэзию, — суть произведения, созданные всем русским народом соборно, и доводились до ума и божественного духа долгими веками. И Пушкин на склоне короткого века признался Владимиру Далю, обреченно склонив голову перед неодолимой мощью тысячелетнего народного слова: «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, — надо бы сделать, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!»¹

Увы, и Пушкин не мог ухватить русское народное слово, хотя Достоевский возгласил на открытии памятника Пушкину в Москве: «...Никогда ещё ни один русский писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин. (...) Пушкин любил народ не за одни только страдания его. За страдания сожалеют, а сожаление так часто идёт рядом с презрением. Пушкин любил всё, что любил этот народ, чтил. Он любил природу русскую до страсти, до умиления, любил деревню русскую. Это был не барин, милостивый и гуманный, жалеющий мужика за его горькую участь, это был человек, сам перевоплотившийся сердцем своим в простолюдина, в суть его, почти в образ его...» (*Достоевский Ф.М., «Дневник писателя» ПСС в 30-ти томах, т.26. с. 116.*)

Если пристально и глубокомысленно перечитать поэзию, прозу и публицистику зрелого Пушкина, то можно со всей ясностью и верностью представить мировоззренческие основы его творчества: *православность* — «Велению Божию, о муза, будь послушна...», «И милость к падшим призывал»; *народность* — «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет»; *русская государственность*, что столь оборотительно дерзко прозвучала в стихотворении «Клеветникам России».

С. Уваров

¹Цитировано по статье: Даль и Пушкин. Сайт Хронос.ru

Клеветникам России

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.

Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайловский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Бородинская годовщина

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.
И что ж? свой бедственный побег,
Кичась, они забыли ныне;
Забыли русской штык и снег,
Погребший славу их в пустыне.
Знакомый пир их манит вновь —
Хмельна для них славянов кровь;
Но тяжко будет им похмелье;
Но долог будет сон гостей
На тесном, хладном новоселье,
Под знаком северных полей!
Ступайте ж к нам: вас Русь зовет!
Но знайте, прошенные гости!
Уж Польша вас не поведет:
Через ее шагнете кости!...»
Сбылось — и в день Бородина
Вновь наши вторглись знамена
В проломы падшей вновь Варшавы;
И Польша, как бегущий полк,
Во прах бросает стяг кровавый —
И бунт раздавленный умолк.
В боренье падший невредим;
Врагов мы в прахе не топтали;
Мы не напомним ныне им
Того, что старые скрижали
Хранят в преданиях немых;
Мы не сожжем Варшавы их;
Они народной Немезиды
Не узрят гневного лица
И не услышат песнь обиды
От лиры русского певца.
Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!
Что взяли вы?.. Еще ли росс

Больной, расслабленный колосс?
Еще ли северная слава
Пустая притча, лживый сон?
Скажите: скоро ль нам Варшава
Предпишет гордый свой закон?
Куда отвиндем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?
Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?
Сильна ли Русь? Война, и мор,
И бунт, и внешних бурь напор
Ее, беснуясь, потрясали —
Смотрите ж: все стоит она!
А вокруг ее волненья пали —
И Польши участь решена...
Победа! сердцу сладкий час!
Россия! встань и возвышайся!
Греми, восторгов общий глас!..
Но тише, тише раздавайся
Вокруг одра, где он лежит,
Могучий мститель злых обид,
Кто покорил вершины Тавра,
Пред кем смирилась Эривань,
Кому суворовского лавра
Венок сплела тройная брань.
Восстав из гроба своего,
Суворов видит плен Варшавы;
Вострепетала тень его
От блеска им начатой славы!
Благословляет он, герой,
Твое страданье, твой покой,
Твоих сподвижников отвагу,
И весть триумфа твоего,
И с ней летящего за Прагу
Младого внука своего.

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году

Утихла брань племен: в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый Мир.
Свершилось!.. Русской царь, достиг ты славы цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполни
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,
Он землю русскую не взвидел под собою. —
Бежит... и мести гром слетел ему во след;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!
Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святую
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..
«К мечам!» раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамены, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат: и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о Кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?
Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?
О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,

Когда на сильного с сынами устремился;
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал...
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!
И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовью блещут.
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.
Ты наш, о русской царь! оставь же шлем стальной
И грозный меч войны, и щит — ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу,
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!...
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изощренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вокруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.